

Ли Жуй, как и я, судя по всему, получив задание, тоже прибегнул к помощи редактора. Его «Ода о песне Шуня южному ветру» сверкала изысканными оборотами и блистала литературным талантом. Любопытно, что обычно ученые мужи, воспевая Шуня, либо превозносили добродетели нынешнего правления, либо намекали на пути управления государством. Мы же с Ли Жуюем, не сговариваясь, взяли за основу сыновнюю почтительность Шуна, и вся наша ода восхваляла его братскую любовь и семейную гармонию, благодаря которым он смог покорить сердца Поднебесной. Моя работа была довольно сжатой, тогда как ода Ли Жуюя пестрела цитатами и аллюзиями, будто каждое слово должно было нести в себе скрытый смысл. Он читал её выразительно, с подъемами и падениями, с таким выражением лица и интонацией, словно готов был отрезать от себя кусок плоти во имя сыновнего долга или отрубить руку ради братской любви. Когда он закончил, отец, хлопнув в ладоши, рассмеялся: «Прекрасная ода! Ценны не только слова, но и дух сыновней почтительности. В награду — вино!»

Тут же подошел евнух с вином. Ли Жуй, слегка важничая, вышел вперед, поднял кубок и осушил его залпом.

Князь Сюй, дядя, подхватил настроение: «Ваше Величество, эта ода, несомненно, достойна первого места. Остальные можно и не слушать.»

К тому времени все, кроме Ваньэр, уже прочитали свои оды. Отец, казалось, склонился к согласию, но матушка улыбнулась: «Пусть Цайжэнь Шангуань всё же закончит.»

Отец безучастно кивнул. Лишь тогда матушка взглянула на Ваньэр. Та уже встала и, поклонившись в нашу сторону, начала читать: «Величественна добродетель Шуна, и ныне её воспевают. Поднебесная стремится к нему, как муравьи к мясу.»

При первой фразе матушка слегка постучала пальцем по колену, тихо произнесла: «Обычно.» Услышав вторую, она рассмеялась: «Забавно.» Заметив, что матушка уделяет оде Ваньэр особое внимание, я тоже выпрямилась и стала слушать внимательнее: «Четыре моря чтят его добродетель, как звёзды окружают луну. Он нёс чистые звуки, трудясь ради просвещения. Пребывая на севере, был велик, воспевая южный ветер, дабы распространить его влияние. Как он пел? Настроив цитру, созвал гармоничный хор. Когда ветер достиг его, принёс он рост и зримые перемены.»

Хотя я лишь примерно могла судить о качестве оды, мне показалось, что слог Ваньэр был ровнее и изящнее, чем у Ли Жуюя. Слушая её, я с беспокойством взглянула на отца и матушку. Брови отца действительно слегка сдвинулись, а матушка всё так же улыбалась, постукивая указательным пальцем по колену, словно отбивая такт под чтение Ваньэр. Но голос Ваньэр внезапно прервался после слов «принёс он рост и зримые перемены», и она добавила: «Пять струн рождают звук, лебедь на волне поёт. Восемь тонов чисты, попугай в ладонь взлетел», — после чего умолкла.

Палец матушки замер в воздухе, и лишь спустя мгновение опустился на колено. Она приподняла брови: «Почему остановилась?»

Ваньэр почтительно подняла лист с текстом и бесстрастно сказала: «Служанка не смогла завершить оду.»

Матушка фыркнула, и в её голосе прозвучало что-то вроде сожаления: «Раз не завершила, значит, уступает работе шестого принца.»

Ваньэр ответила: «Князь Цзи мудр и почтителен, служанка не сравнится с ним.»

Матушка лишь улыбнулась в ответ. Князь Сюй рассмеялся: «Ну что ж, победитель определился! Ваше Величество, не пора ли начать пиршество? Музыканты, не ленитесь, заиграйте!»

Музыканты из Цзяофан затаили «Благодарность императору». Ли Жуй во главе прочих учёных подошёл, чтобы вознести тост за здоровье родителей. Он от природы был статен, а сегодня, облачённый в парадную военную форму и пребывая на пике торжества, выглядел особенно величественно. Отец, глядя на него, пришёл в восхищение и забыл, что пионы берегли для награждения победителя в поэзии. Он приказал окружающим: «Увенчайте шестого принца цветами.»

Ян Цыгао собственноручно взял большой красный пион из шёлка и водрузил его на головной убор Ли Жуя. Остальные также получили цветы — синие или жёлтые, — воткнутые в те же уборы. Я заметила, что у Ваньэр цветка не было, и потянула матушку за рукав: «Матушка, все участвовали в состязании, нельзя быть несправедливой.»

В тот момент Ваньэр уже стояла рядом с матушкой. Та, улыбнувшись, взглянула на неё и сказала: «Пусть и Цайжэнь Шангуань увенчают цветком.»

Служанка поднесла поднос с цветами. Я нарочно выбрала ярко-фиолетовый пион, но матушка, смеясь, забрала его у меня и воткнула мне в волосы: «Матушка справедлива. У Цайжэнь Шангуань будет цветок, и у Сыцзы тоже.» Вставив цветок, она внимательно меня оглядела, потрепала по щеке и добавила: «Ты и шестой принц — один в красном, другая в лиловом — хорошо смотрите вместе.»

Ли Жуй, услышав это, подмигнул мне. Я покраснела: «У Цайжэнь Шангуань кожа светлее, этот цветок подошёл бы ей больше.»

Матушка лишь улыбалась, перебирая цветы на подносе. Она выбрала какую-то василькового оттенка, посмотрела, покачала головой и наконец остановилась на нежно-розовой орхидее. Кивнув Ваньэр, она подозвала её. Та склонилась, и матушка прикрепила цветок к её причёске. Ваньэр тут же согнула колени, собираясь преклонить их в благодарности, но матушка рукой удержала её — уголки её губ дрогнули, и она, глядя прямо на Ваньэр, произнесла: «Если Шунь мог нести чистые звуки, то и я способна трудиться ради просвещения.»

Ваньэр ответила: «Ваше Величество, ваша мудрость от Небес, а добродетели зримы сами собой.»

Матушка усмехнулась, отпустила Ваньэр и, взяв меня за руку, снова заговорила с отцом.

Лишь во время пиршества до меня стали доходить некоторые тонкости. Нынешние учёные мужи в основном происходили из знатных местных родов. Пусть они и не были столь высокомерны, как семья Цуй, но всё же изрядно кичились своими фамилиями. Поэтому, посещая разные земли, отец не только награждал и продвигал местных талантов, но и намеренно возвеличивал императорский дом. По сути, это был способ сочетать милость с грозой, дабы показать всем, насколько добродетельны и талантливы принцы династии Тан и как Небесами предназначена власть нашего рода Ли, попутно укрепляя авторитет Ли Жуя. Раньше подобную роль обычно исполнял Ли Шэн, наследный принц. Между нами существовала непреодолимая пропасть подданного и государя, поэтому все эти тонкости меня не касались, и я в них не вникала. Теперь же в центре внимания оказался Ли Жуй — мой ровесник, одного со мной ранга и положения. Матушка, видимо, решив, что блага не должны доставаться чужим, прямо на месте вписала и меня в эту игру.

Эта мысль немного успокоила меня, и я стала принимать похвалы отца и дядей с большей готовностью. Однако, зная свою меру, когда отец вновь предложил сочинить стихи, я попросила разрешения сдать экзамен тецзин. Отец не стал чинить препятствий, велел принести мне лист с вопросами. Развернув его, я увидела отрывки из текстов, которые недавно заставляли заучивать наставники. Я быстро заполнила пробелы, а тем временем подвели итоги поэтического состязания. Ли Жуй представил три стихотворения и стал бесспорным победителем. Я думала, что Ваньэр, даже уступая ему, напишет хотя бы пару, но она лишь бесстрастно продекламировала четверостишие, восхваляющее государя:

«Занавес зелёный, ширма жемчужная — шатёр лунный открыт.

Кубки золотые, чарки нефритовые — аромат орхидей разлит.

Год за годом, век за веком в свите пребываем,

Долго-долго в мире и процветании пребываем.»

Победителем в поэзии вновь стал Ли Жуй. Отец велел украсить его ещё одним пионом. А так как я правильно ответила на все вопросы тецзин, мне тоже налили вина. Я редко пила, и одного кубка хватило, чтобы в голове зашумело. Сославшись на хмель, я наотрез отказалась участвовать в третьем испытании. Матушка не стала принуждать и позволила мне пристроиться у её ног, наблюдая за остальными.

На третьем испытании Ли Жуй нахмурился. Увидев его выражение лица, я вопросительно взглянула на матушку. Та с усмешкой ответила: «Надо же и другим что-то оставить.»

В этот момент Гао Яньфу незаметно подошёл и передал матушке длинный шёлковый свиток. Я вытянула шею и увидела, что это подробные послужные списки участников и сведения об их семьях за три поколения. Перед матушкой уже лежал краткий перечень, составленный по порядку расадки, и против некоторых имён она поставила чернильные точки. Сверившись с новым свитком, она кое-что исправила. С любопытством глядя на отмеченные места и сверяя их с расадкой, я заметила, что те, кто слишком явно проявлял эмоции, были зачёркнуты, а двое, чьи работы хвалил отец, остались с точками.

Матушка, заметив, что я разглядываю список у неё под рукой, неожиданно спросила: «Сыцзы, как думаешь, на какие должности стоит определить этих людей?»

Застигнутая врасплох, я пробормотала: «Не знаю.»

Матушка, казалось, была в прекрасном настроении. Она придвинула список поближе и стала объяснять мне, кто есть кто: «Это не экзамен. Говори, что думаешь, не бойся ошибиться.»

Я склонила голову набок, размышляя. Раз матушка спрашивала «на какие должности», а не «стоит ли их вообще назначать», значит, все они должны были получить пост. По правде говоря, литературные таланты этой десятки людей были неплохи, но до уровня сдавших экзамен цзиньши им было далеко, не говоря уже о том, чтобы стать чиновниками. Отец и матушка ценили их, скорее всего, чтобы продемонстрировать своё почтение к талантам и завоевать симпатии. Следовательно, им следовало дать почётные, но не влиятельные должности — например, цензора, корректора, секретаря, придворного историка или помощника при дворцовой охране. Пусть поработают несколько лет, а там видно будет — повышать или понижать. Изложив свои соображения матушке, я увидела её одобрительный кивок. Затем она спросила: «А как ты считаешь, кто на какую должность конкретно подойдёт?»

<http://bllate.org/book/16278/1466052>